

ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ...

Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны (Минск, 7–8 мая 2015 г.)

Часть
1

Таким образом, из не менее чем 128 перебазированных в 1941 г. в глубинные районы СССР промышленных предприятий Белорусской ССР лишь по десяти имеются достоверные данные об эвакуации, хотя бы частичной, в послеоккупационный период. Причем только три из них проводили эвакуацию своего оборудования, в остальных семи случаях речь шла о возвращении специалистов. Данный факт вполне объясним, поскольку все-таки проще отправить на родину некоторую часть работников, чем нарушать целостность налаженных технологических цепочек, «выдергивая» из них те или иные элементы. Особенно если, например, более современное и качественное оборудование, эвакуированное с «Гомсельмаша», почти полностью заменяет местное, как это случилось на машиностроительном заводе в Кургане [11, л. 5]. Еще 13 вывезенных белорусских предприятий предположительно проводило эвакуацию. Представляется очевидной необходимость дальнейших исследований по данной проблеме.

Источники и литература

1. Промышленность // Сов. энцикл. словарь. – 4-е изд. – М., 1990.
2. Сугако, Л. А. Население, материальные ресурсы и культурные ценности Белорусской ССР в эвакуационном процессе в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. А. Сугако. – Могилев, 2014. – 157 с.
3. Олехнович, Г. И. Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г. И. Олехнович. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 208 с.
4. Олехнович, Г. И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945) / Г. И. Олехнович. – Минск: Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.
5. Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943 / В. Т. Анисков [и др.]; под общ. ред. А. В. Митрофановой. – М.: Наука, 1989. – 392 с.
6. Купреева, А. П. Возрождение народного хозяйства Белоруссии / А. П. Купреева. – Минск: Наука и техника, 1976. – 223 с.
7. Купреева, А. П. Народы СССР – трудящимся Белоруссии / А. П. Купреева. – Минск: Наука и техника, 1981. – 208 с.
8. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1п. – Оп. 1. – Д. 157.
9. Государственный архив Витебской области. – Ф. 102. – Оп. 3. – Д. 2.
10. Зональный государственный архив в г. Мозыре. – Ф. 463. – Оп. 1. – Д. 8.
11. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 150.

Е. М. Тищенко (Гродно)

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

В конце июня – июле 1941 г. фашистская агрессия привела к оккупации всей территории Беларуси. Республика оказалась разделенной: южные районы включены в рейхскомиссариат «Украина», северо-западные – в генеральный комиссариат «Литва», ряд западных – в Восточную Пруссию, восточные находились под контролем фронтового командования, а центральные объединены

в генеральный комиссариат «Белорутения» из 10 гебитов и г. Минска, территория которого составила только четвертую часть предвоенной Беларуси. Согласно гитлеровским планам, предусматривалось истребление 75% населения Беларуси, а 25% подлежало использованию в качестве рабочей силы.

В период оккупации проводилось целенаправленное экономическое разрушение и разграбление Беларуси. Общий ущерб, причиненный республике, без потерь в результате прекращения деятельности государственных предприятий, колхозов, граждан, стоимости конфискованного продовольствия и имущества, затрат, связанных с эвакуацией и реэвакуацией учреждений и населения, Чрезвычайной государственной комиссией (1944) определен в 75 млрд руб. (в ценах 1940 г.).

Значительному разрушению подвергнуто жилищно-коммунальное хозяйство республики. Гитлеровцы уничтожили 209 городов и районных центров, 9200 деревень Беларуси, причем 5295 деревень вместе со всем или частью населения. Так, в сборнике материалов о зверствах оккупантов, изданном в 1942 г., указывалось: «В Минске уцелело всего 20% зданий. Люди, оставшиеся в городе, живут в необычайной тесноте и грязи, переполняя сохранившиеся дома. Водопровод и канализация не действуют». К моменту освобождения Беларуси сохранилось 25,6% жилого фонда. Крова были лишены около 3 млн человек. В развалинах, подвалах и землянках размещалось более 100 тыс. семейств. За время оккупации были разрушены и выведены из строя 23 буровые скважины, 16 насосных станций, 9 резервуаров, около 15 км водонапорной сети, свыше 300 водоразборных колонок.

В период оккупации проводилась политика принудительного и изнурительного труда, установилось, особенно в городах, тяжелое положение с питанием населения (продовольственный паек был незначительным – 200–300 г хлеба в день и выдавался рабочим с большими перебоями). Так, руководитель партизанского движения П. К. Пономаренко в 1942 г. отмечал: «Во всех городах и селах Беларуси воцарилась бескрайняя нужда».

Коммунальные разрушения, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, голод, принудительный и изнурительный труд стали причиной ухудшения общественного здоровья.

Комплексное рассмотрение и анализ фактических данных позволяет нам считать медико-социальными проявлениями оккупационной политики геноцида в Беларуси уничтожение больших групп населения, прежде всего детей, женщин и людей старческого возраста, а также больных и раненых; уничтожение заключенных в концентрационных лагерях посредством создания в них условий, приводящих к массовой гибели; угон населения, в том числе и детей, в фашистскую Германию; умышленное распространение инфекционных заболеваний среди гражданского населения; разрушение лечебно-профилактических учреждений и уничтожение значительного числа медицинских работников; резкое снижение доступности медицинской помощи.

Захватчики установили оккупационный режим кровавого террора. Оккупанты применяли изуверские способы прямого физического истребления групп

населения: массовые расстрелы, повешение, насаживание на крюк, утопление, сжигание, замораживание, закапывание живьем в специально подготовленных ямах, отравление выхлопными газами в «душегубках». Фашисты использовали гражданское население как живое прикрытие в боевых действиях, а также при разминировании.

Многочисленные исторические документы содержат доказательства фашистских злодеяний в отношении детей, женщин и людей старшего возраста. Вот некоторые из них. Весной 1943 г. возле д. Польшковичи Могилевского района расстреляли и заживо погребли около 60 детей. 15 и 16 ноября 1943 г. в Борисове захватчики убили 840 граждан, в большинстве – стариков, детей, больных, а 18 и 19 ноября в Минске отравили около 1500 нетрудоспособных стариков, женщин и детей. 14 января 1944 г. в д. Оллы были сожжены и расстреляны 1558 жителей, из них 908 детей. О числе уничтоженных женщин и детей по некоторым областям Беларуси красноречиво свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1.

Таблица 1. Число уничтоженных женщин и детей по некоторым областям Беларуси

Область	Расстреляно		Сожжено	
	женщин	детей	женщин	детей
Минская	11822	4083	639	330
Полеская	9789	5340	2942	2403
Бобруйская	8000	5000	1373	1173

Захватчики уничтожали детей, находившихся в канун войны в пионерских лагерях и детских домах. Так, 23 сентября 1942 г. они убили 54 ребенка Домановичского детского дома. Осенью 1943 г. в Минске расстреляли 150 детей в детском доме на ул. Надеждинской, а 18 декабря взорвали здание детского дома на ул. Кирова, от чего погибли еще 30 детей.

Одним из медико-социальных проявлений фашистской политики геноцида следует считать уничтожение больных и раненых. Об этом свидетельствуют исторические материалы. В июне 1941 г. захватчики расстреляли большую часть людей, находившихся в санатории Августово. В июле 1941 г. около Борисова, захватив в плен 70 раненых солдат, отравили их мышьяком. 21 сентября 1942 г. от насильственного взятия большого количества крови в Полоцке умерли более 40 гражданских жителей.

Захватчики расстреливали и сжигали больных сыпным тифом. Так, в феврале 1944 г. фашисты сожгли мирных жителей Борковичского, Голубовского, Жовнинского, Прудинского, Тестовского сельсоветов Дриссенского района, заболевших сыпным тифом. Только в д. Зеленовщина погибли 35 человек.

Оккупанты осуществляли в Беларуси «декрет об эвтаназии» – умерщвлении душевно- и неизлечимо больных, считали их «недостойными жизни». Так, 8 июля 1941 г. фашисты расстреляли 120 человек медицинского персонала и больных психиатрической больницы д. Минойты Лидского района. 23 августа 1941 г. уничтожили в устроенной в Могилевской психиатрической больнице

«палате-душегубке» около 700 больных, а в январе 1942 г. оставшихся 500 больных вывезли за город, забросали гранатами, часть расстреляли. На посту погиб главный врач больницы М. М. Клипчан, пытаясь воспрепятствовать уничтожению больных. 18 сентября 1941 г. около 200 больных психиатрической больницы «Новинки» Минского района отравили газом в помещении бани, а 5 ноября еще 100 больных расстреляли. В ноябре–декабре 1941 г. уничтожили 400 больных психиатрического отделения 2-й клинической больницы г. Минска.

Оккупационная политика геноцида была направлена на сплошное истребление евреев, которые составляли значительную долю населения предвоенной Беларуси. В городах захватчики изолировали и заключили население еврейских кварталов и общин в гетто. Оккупанты поддерживали иллюзии «нужности» гетто. Так, было разрешено образование еврейского совета (юденрата), в который входили и врачи, имевшие авторитет у населения (так, из 24 членов Гродненского юденрата были 3 врача и аптекарь). Врачи-евреи не имели права работать в гражданских лечебных учреждениях вне гетто. В то же время в неимоверных условиях, при фактическом отсутствии медицинских средств, продуктов питания, постоянной угрозе фашистской расправы в гетто ряда городов (Минск, Брест, Гродно) в прежних или приспособленных (школа, квартира) помещениях действовали амбулатории и больницы. Однако уже в октябре 1942 г. фашисты уничтожили еврейские гетто в Бресте (более 20 тыс. человек), в марте 1943 г. – в Гродно (более 34 тыс. человек). В Бресте в гетто погибли 30 врачей, в Гродно – 49 врачей и фармацевтов.

Для осуществления политики геноцида в оккупированной Беларуси фашисты создали более 260 концентрационных лагерей, сеть тюрем, ввели систему заложников. В концентрационных лагерях кроме прямого истребления преднамеренно поддерживались условия, влекущие массовую гибель людей: истязания, голод, скученность, антисанитария. В лагерях смерти, расположенных на территории Беларуси, нацисты убили свыше 1,4 млн человек. Так, в Тростенецком концентрационном лагере замучены 206,5 тыс. человек (это число выше лишь в Освенциме и Майданеке).

Над узниками концентрационных лагерей в Беларуси проводились преступные эксперименты. Например, действовали концентрационные лагеря «детей-доноров» в Бобруйском, Жлобинском, Копаткевичском, Марьино-Горском, Новогрудском и ряде других районов. В Бобруйском концлагере «фашистский врач использовал 50 мужчин и 50 женщин для проверки действия лекарства против сыпного тифа». Судебно-медицинская экспертиза Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях фашистских захватчиков при расследовании методов массового уничтожения в Минском концентрационном лагере – «Шталаг № 352» установила: «На больных военнопленных, находившихся в лазарете, производилось массовое экспериментирование по лечению сыпного тифа. Основными причинами смерти 9425 военнопленных в лазарете являлись: истощение – 6829, колит – 772, сыпной тиф – 665». Вместе с тем исторические материалы содержат доказательства, что в тяжелых условиях концентрационных

лагерей военнопленные медицинские работники пытались оказать возможную медицинскую помощь заключенным, организовать подпольные группы, побеги.

Как было доказано на Нюрнбергском процессе над военными преступниками, осенью 1943 – весной 1944 г. фашисты преднамеренно проводили заражение людей сыпным тифом и их сосредоточение на возможных направлениях наступления советских войск. Так, в сентябре 1943 г. каратели согнали население деревень Добромысли и Зачистье Холопеничского района в несколько изб, где имелись сыпнотифозные больные, и продержали в большой скученности три дня. В д. Скрыльница фашисты сконцентрировали в 150 домах 5000 жителей, среди которых размещали больных сыпным тифом. В этом лагере от сыпного тифа умерли до 500 человек. Перед отступлением захватчики собрали в Речицкой больнице сыпнотифозных больных, а затем разогнали их по окрестным деревням. Также поступали с инфекционными больными, находящимися в Бешенковичской больнице и изоляторах, расположенных в деревнях Горовно и Заболотье. Весной 1944 г. в д. Бабино сосредоточили свыше 900 сыпнотифозных больных. В марте 1944 г. советские войска освободили из трех лагерей смерти, расположенных в болотах севернее поселка Озаричи Полесской области, 33 480 нетрудоспособных людей, из них 15 960 детей до 12 лет, 13 072 женщин, 4448 стариков. В их числе было свыше 5000 больных сыпным тифом.

Угон населения в фашистскую Германию был неотъемлемой частью оккупационного режима, для чего фашисты организовывали специальные акции захвата. Особо ужасным являлся угон детей. Всего в фашистскую Германию были угнаны 24 180 белорусских детей.

Проведенный анализ исторических материалов позволил обобщить данные и констатировать значительный урон, причиненный в период фашистской оккупации медицинским учреждениям Беларуси. Так, Чрезвычайной государственной комиссией ущерб, нанесенный учреждениям и предприятиям здравоохранения Беларуси, оценен в 610,6 млн руб. (в ценах 1944 г.) (в том числе амбулаториям и больницам – 304 млн руб., санаториям и домам отдыха – 45, предприятиям медицинской промышленности – 11, Минскому медицинскому институту – 31,4, Витебскому – 7,7, научно-исследовательским институтам – 23,8 млн руб.)

В табл. 2 приведены данные по сумме ущерба, причиненного фашистскими захватчиками здравоохранению некоторых областей Беларуси.

В республике полностью разрушено 1377 и повреждено 810 зданий амбулаторий и больниц. О количестве разрушенных захватчиками медицинских учреждений красноречиво свидетельствуют данные, приведенные в табл. 3.

Таблица 2. Ущерб, нанесенный фашистами здравоохранению отдельных областей Беларуси (в ценах 1944 г.)

Область	Сумма, руб.
Витебская	54413200
Минская	45309489
Бобруйская	44266580
Гомельская	42448000
Полоцкая	34222000
Гродненская	17149460
Брестская	15443000
Пинская	12934179

Таблица 3. Разрушение сети медицинских учреждений Беларуси

Медицинское учреждение	Количество разрушенных учреждений, %
Противомалярийные станции и пункты	95,5
Лаборатории	94,8
Детские ясли	90,5
Средние медицинские школы	88,0
Противотуберкулезные диспансеры и пункты	87,5
Дома ребенка	86,8
Аптеки и аптечные пункты	85,7
Кожно-венерологические диспансеры и пункты	84,3
Женские и детские консультации	83,4
Амбулатории и поликлиники	82,7
Сельские врачебные участки	81,4
Санитарно-эпидемиологические станции	79,1
Больницы	74,0

Кроме того, здания медицинских учреждений использовались для других целей – как казармы, застенки гестапо для размещения учреждений оккупационных властей и даже организации мест развлечения оккупантов. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. Вот некоторые из них. Так, были превращены в конюшню ясли № 18 г. Минска, здания Брестской железнодорожной и Пинской областной больниц; в конюшню и склады – Бобруйское медицинское училище; в казармы и склады – корпуса Белорусского института микробиологии и эпидемиологии; в место развлечения фашистов – Лидская районная поликлиника; в застенок гестапо – теоретический корпус Минского медицинского института; в тюрьму – ясли № 12 г. Минска; в концентрационный лагерь – Ваверская участковая больница. Следует указать, что ряд лечебных учреждений оккупанты заняли под госпитали, например корпуса Бобруйской и Минской второй городской больниц.

Значительно пострадала материально-техническая база медицинских учреждений. При анализе анкет, заполненных по указанию Наркомздрава Беларуси заведующими районных отделов здравоохранения в 1944–1945 гг., нами установлено, что по республике разграблено и уничтожено 707 подвижных и стационарных дезинфекционных камер, 659 бормашин и 607 зубоврачебных кресел (дополнительно в Минске – 75 бормашин и зубоврачебных кресел), 549 микроскопов и 407 автоклавов. Только в Гродненской области разрушено и расхищено 90 физиотерапевтических установок, 61 операционный и гинекологический стол, 225 л бакпрепаратов, 7118 кг медикаментов, 15 658 различных медицинских инструментов. А ущерб, причиненный Могилевскому областному аптекоуправлению, оценен в 9,7 млн руб.

Анализ исторических материалов позволяет считать проявлением оккупационной политики геноцида истребление представителей медицинских профессий. Так, в период оккупации убиты в Бресте – 82, Гродно – 75, Барано-

вичих – 65, Пинске – 40 врачей, фармацевтов, медсестер. От рук фашистов погибли около 60 научных сотрудников Минского медицинского института. По данным И. А. Инсарова, на оккупированной территории захватчики уничтожили свыше 2 тыс. медицинских работников.

Сеть медицинских учреждений в период оккупации Беларуси стала значительно меньшей, чем в довоенное время. Например, 21 августа 1941 г. главный врач Пуховичского района констатировал, что из действовавших до начала войны «больницы на 50 коек, двух амбулаторий, детской консультации, зуболечебницы, санитарной станции, трех врачебных и девяти фельдшерских участков, четырех акушерских пунктов работают только две амбулатории, детская консультация, один врачебный и шесть фельдшерских участков, два акушерских пункта. Из 10 врачей осталось 6, 14 фельдшеров – 9, 22 акушерок – 12». В начале 1942 г. в Минском округе имелось меньше, чем до оккупации, больниц в 5 раз, врачебных участков – в 3 раза, фельдшерско-акушерских пунктов – в 9 раз.

В дальнейшем количество медицинских сил и средств продолжало уменьшаться. Например, 26 сентября 1942 г. комиссар гебита «Барановичи» вынужден был признать, что в округе ощущается «чрезвычайно большой дефицит хороших практикующих врачей, особенно врачей-специалистов». В докладной записке 1 июня 1942 г. Минский окружной врач сообщал, что в округе работают «93 врача, 109 фельдшеров, 35 зубных врачей, 84 медсестры, 73 акушерки, 22 фармацевта, 24 дезинфектора, 15 аптек, 113 врачебных и фельдшерских пунктов». 29 марта 1943 г. он докладывал, что имеется уже «68 врачей, 66 фельдшеров, 32 зубных врача, 38 медсестер, 69 акушерок, 15 аптекарей, 12 дезинфекторов, 10 аптек, 84 врачебных и фельдшерских пункта». В его донесениях также сообщалось, что в округе на «1 декабря 1941 г. было 12 больниц на 490 коек, а 29 марта 1943 г. – 9 больниц на 250 коек». Если в Могилеве в предвоенные годы действовали 2 поликлиники, 3 амбулатории, 1 противотуберкулезный, 1 венерологический, 1 детский диспансеры, 1 детская консультация, 23 медпункта, то в 1942–1943 гг. – 1 поликлиника, 1 амбулатория, 1 противотуберкулезный диспансер, 1 медпункт. К декабрю 1942 г. по сравнению с довоенным уровнем в Могилеве количество врачей (31) сократилось в 3 раза, а медсестер (91) – в 2 раза, а через год (ноябрь 1943 г.) уменьшилось еще в 1,4 и 2,2 раза соответственно.

Для периода оккупации характерно и сокращение лечебных учреждений. В городах нередко отсутствовали санитарно-эпидемиологические станции, противотуберкулезные и венерологические диспансеры и пункты, детские больницы, детские и женские консультации, ясли, станции скорой медицинской помощи, заводские медицинские пункты. А районное звено чаще всего было представлено аптекой, амбулаторией, больницей, в которых работали единичные представители врачебного и медицинского персонала. Кроме того, сократился и объем медицинской помощи: квалифицированная и специализированная помощь оказывалась лишь в окружных городах, а плановое лечение вообще не проводилось.

Многочисленные документы свидетельствуют, что большинство лечебных учреждений размещалось в приспособленных или полуразрушенных помещениях. Во многих медицинских учреждениях не хватало медикаментов, санитарного имущества, топлива. Так, уже 1 сентября 1941 г. в Волковичской больнице «не было хлеба, топлива». 23 мая 1942 г. в отчете о деятельности больниц Минского округа говорилось, что «в Кайдановской больнице ощущается катастрофическая нехватка белья, в Логойской больнице – острый недостаток дезинфицирующих средств». Минский окружной врач в октябре 1942 г. констатировал, что «в Шацкой и Узденской больнице нет электричества», а в декабре 1942 г. признавал, что «больницы округа не имеют мыла».

Медико-санитарное имущество в гражданские лечебные учреждения Беларуси из других оккупированных территорий или же Германии не поступало. А для обеспечения лечебных учреждений в основном использовались запасы довоенного времени в сохранившихся аптеках или аптечных складах, а также местные лекарственные растительные ресурсы. Так, в 1942–1943 гг. в Могилеве действовали только две аптеки (в довоенный год – 20), обслуживающие население города и района (одна аптека на 65 тыс.), а также аптечный склад, лишь один раз получивший медикаменты из Минска.

Согласно приказу Минского гебиткомиссара, с 10 декабря 1941 г. цены на медикаменты возросли на 200%. Однако в 1942 г. аптеки Минского округа не имели точных установок относительно цен. В результате цены на медикаменты еще больше завышались, стоимость одного и того же медицинского средства в разных районах была различная. Так, в Узденском финансовом отделе цены были повышены на 270%. А в 1943 г. в Могилевском районе накидка на стоимость медикаментов достигла 350%. В то же время на базарах остродефицитные медицинские препараты продавались по еще большей цене. Например, в Несвиже флакон противодифтерийной сыворотки стоил 5 тыс. руб. Следует констатировать, что доступность медикаментов ограничивалась не только ценой, но и административными мерами. Так, с 7 апреля 1942 г. аптекам Минского округа запрещалось изготавливать и выдавать лекарственные формы, содержащие масло и глицерин. А в 1943 г. только половина врачей Могилева имели право выписывать рецепты.

В период оккупации Беларуси содержание лечебных учреждений возлагалось на население, а не органы местной власти, в связи с чем за оказание медицинской помощи гражданскому населению в лечебных учреждениях была введена плата. Медицинскую помощь разрешалось оказывать только после оплаты в кассы амбулаторий и больниц. Финансовые отделы городских (районных) управ требовали регулярной финансово-хозяйственной отчетности и контролировали доходность лечебных учреждений. Например, в Минском округе (1942) в случае отсутствия таковой медицинскому персоналу не выдавалась заработная плата. При этом не допускался прием у населения продовольствия вместо денег. Все это в совокупности значительно ограничивало возможность получения медицинской помощи.

Размер платы зависел от вида медицинского пособия, места жительства и работы больного. Так, приказ Минского городского комиссариата от 29 октября 1941 г. предусматривал оплату за койко-день «для работников государственных учреждений 8 руб., крестьян и работников частных заведений – 10 руб., кустарей и торговцев – 12 руб.» (для сопоставления укажем уровень зарплаты врача при 8-часовом рабочем дне (Могилев. 1942 г.) – 600–800 руб., медсестры – 350–400, санитарки – 200 руб.). При этом иногородние больные обязаны были платить за пребывание в стационаре в тройном, а за амбулаторное посещение – в двойном размерах. За оказание медицинской помощи на дому вводилось двукратное увеличение. Плата за примененные во время лечения медикаменты взималась дополнительно. К тому же, чтобы получить право на стационарное лечение, больной должен был иметь постельные принадлежности и продукты питания.

На основе изучения архивных документов и опубликованных работ, освещающих период фашистской оккупации Беларуси, не представляется возможным привести точные числовые данные о показателях общественного здоровья. Вместе с тем анализ исторических источников позволяет дать определенную его характеристику в связи с вышеизложенными проявлениями оккупационной политики геноцида.

Используя и обобщая анкеты, заполненные районными отделами здравоохранения республики в 1944–1945 гг. по указанию Наркомздрава Беларуси с целью определения санитарных последствий фашистской оккупации, мы установили, что за этот период переболело сыпным тифом 553 957 человек, корью – 107 558, дифтерией – 57 229, скарлатиной – 50 289 человек. Однако эти числа относительно и значительно занижены, так как не все случаи заболеваний зарегистрированы, многие документы лечебных учреждений не сохранились, в ряде из них документация вообще не велась, большинство данных было получено при опросе населения и медицинских работников. Кроме того, из литературных и архивных материалов следует, что в 1944 г. в освобожденной Беларуси было зарегистрировано заболеваний сыпным тифом в 50 раз больше, чем в 1940 г. Уровень заболеваемости сыпным тифом в Беларуси превышал показатели Российской Федерации в 7 раз, а Украины – в 3,5 раза. В 1945 г. заболеваемость малярией возросла по сравнению с 1940 г. в 9 раз, сифилисом – в 3, гонореей, дизентерией, брюшным тифом, туберкулезом – в 2 раза. Вновь появились заболевания, которые в довоенный период фактически не регистрировались, – возвратный тиф, лептоспирозы, туляремия.

Инфекционные и общесоматические заболевания на фоне общего истощения организма протекали тяжело, атипично. Так, по данным М. В. Мякинниковой, в послевоенный период (1944–1950) преобладала наиболее тяжелая диффузно-инфильтративная форма склеромы с локализацией процесса в гортани и трахее. По материалам Минской неврологической клиники за ноябрь 1944 – апрель 1946 г., в структуре заболеваемости нервной системы ведущее место занимали нейроинфекции, которые протекали по типу церебрального

менингита, клещевого и эпидемического энцефалитов, инфекционных полиневритов, полиомиелита. Такое течение болезней обусловило высокую смертность, инвалидность населения. Например, уровень смертности от туберкулеза возрос по сравнению с довоенным на 70%.

Приведем также литературные и архивные материалы, которые характеризуют ухудшение демографических показателей в связи с условиями фашистской оккупации Беларуси. По расчетам Л. И. Маськова, общая смертность ориентировочно составляла в 1941 г. – 65%, 1942 г. – 136, 1943 г. – 72, 1944 г. – 29%. А по данным З. К. Могилевича и М. А. Габриловича, в 1945 г. показатель смертности возрос по сравнению с довоенным уровнем в 2 раза.

На основании изучения обзора о состоянии родовспоможения в Беларуси в 1945 г. мы установили, что в республике, за исключением Гродненской, Молодечненской и Полоцкой областей, было 50 833 родов, в их числе 1240 двоен и 20 троен, таким образом, число родившихся составило 52 113. По данным Л. П. Шахотько, в 1945 г. в республике проживали 6,2 млн человек. В результате расчета мы получаем, что в 1945 г. показатель рождаемости равнялся 8,4%, что в 3,2 раза ниже уровня 1940 г., когда данный показатель составил 26,8%. При этом показатель рождаемости в 1945 г., по данным Л. П. Шахотько, был только в 2 раза ниже уровня 1940 г.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков показала, что число убитых и угнанных в фашистскую Германию по Беларуси составило 2 597 092 человека, или 25,4% населения 1940 г. Установленные ею величины по областям республики приведены в табл. 4.

Таблица 4. Число убитых и угнанных жителей по областям Беларуси

Область	Уничтожено мирного гражданского населения	Убито и замучено военнопленных	Угнано в фашистскую Германию
Минская	317515 (1)	101590 (3)	29815 (7)
Барановичская	181179 (2)	88407 (5)	33773 (4)
Брестская	159526 (3)	38858 (9)	30008 (6)
Витебская	151421 (4)	92891 (4)	68434 (1)
Гродненская	111208 (5)	41330 (8)	53955 (2)
Полоцкая	105211 (6)	157007 (1)	52599 (3)
Пинская	95385 (7)	24613 (11)	30861 (5)
Бобруйская	82194 (8)	54013 (7)	15275 (11)
Могилевская	71602 (9)	59134 (6)	21436 (9)
Гомельская	53630 (10)	114476 (2)	18745 (10)
Молодечненская	42373 (11)	34652 (10)	8828 (12)
Полесская	37981 (12)	3120 (12)	23047 (8)
Итого	1409225	810091	377776

Примечание. В скобках указано место отдельных областей по числу убитых и угнанных жителей.

Таким образом, оккупационная политика геноцида не только привела к ухудшению показателей общественного здоровья (рост инфекционной заболеваемости, снижение рождаемости, увеличение смертности), но и значительно изменила условия оказания медицинской помощи. Человечество должно помнить историю Великой Отечественной войны.

Літэратура

1. Тищенко, Е. М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX веках / Е. М. Тищенко. – Гродно, 2003. – 269 с.

А. В. Трафімчык (Мінск)

ДА ПЫТАННЯ ПРА ПАЧАТАК ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

З надыходам 1939 г. еўрапейскія палітыкі зразумелі, што свет стаіць на парозе чарговай глабальнай вайны. Некаторыя лічылі, што яе полымя ўжо шугае. Па сённяшні дзень не ўсе гісторыкі схільны пачынаць яе адлік з 1 верасня 1939 г. Для гэтага маюцца ўсе падставы. Нагадаем толькі найбольш вядомыя: грамадзянская вайна ў Іспаніі (1936–1939), у якой ускосна паўдзельнічалі іншыя дзяржавы (СССР – на баку рэспубліканцаў, Італія і Германія – на баку франкістаў);

япона-кітайская вайна (1937–1945);

італьянская агрэсія супраць Эфіопіі (1935–1936) і Албаніі (красавік, 1939).

Савецкі Саюз правёў серыю баёў на Далёкім Усходзе супраць Японіі ў 1938–1939 гг. (ізноў кожны з бакоў ваяваў фармальна не за сябе, а – адпаведна – за Манголію і створаную японцамі на землях Паўночнага Кітая марыянэткавую дзяржаву Маньчжоу-го, аднак сваімі перамогамі Крэмль публічна ганарыўся, на іх аснове рабіў палітыку, прынамсі ўнутраную). У той жа час звяртае на сябе ўвагу, што ўзброеныя сілы Германіі афіцыйна яшчэ не прыступалі да актыўных дзеянняў, хоць А. Гітлер не хаваў свайго жадання апрабіраваць іх на справе і актыўна рабіў гэта ў Іспаніі.

Пра тагачасныя ваенныя падзеі на з'ездзе ВКП(б) 10 сакавіка 1939 г. І. Сталін выказаўся наступным чынам: «Характэрная черта новай імпералістычнаскай вайны состоіт в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой» [6, с. 296]. Як бачым, кіраўнік СССР лічыў, што яшчэ сусветная вайна не разгарэлася.

Сёння развязванне Другой сусветнай вайны дэтэрмінуюць заключэннем пакта Молатава–Рыбентропа. Тым самым спецыяльна на ім факусіруецца ўвага. Адбываецца акцэнтаванне ўвагі на гешэфце Германіі і СССР як галоўным чынніку чарговай гуманітарнай катастрофы. Ствараецца (вольна ці міжвольна)